

М. В. Ляпон

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛОГИКА КАК РЕЖИМ МЫШЛЕНИЯ*

«⟨...⟩ случаи, когда возникает аномалия, дают нам гораздо больше информации, чем те случаи, когда все идет гладко».

(З. Вендлер)

Используя свой опыт реконструкции речевого портрета М. Цветаевой и И. Бродского, я хочу поделиться наблюдениями над лингвистическим экспериментом этих авторов. Проза Цветаевой (автобиографические повести, литературные эссе, дневники, записные книжки и письма) — единый источник, концентрирующий энергию авторского самосознания, и информативный материал для изучения стратегии Цветаевой-экспериментатора. Лингвистический эксперимент Цветаевой — отпечаток ее рефлексии над феноменом «Язык», который она воспринимает прежде всего как материю смысла. Пренебрегая условностями нормы, Цветаева утверждает свою преданность принципу: «Суть переживает язык» [НЗК 2000: 662].

Цветаева хорошо осознает свое пристрастие к опровержению аксиом, к столкновению «да» и «нет», к игре альтернативы и тождества. Ее текст прочитывается как автопортрет проникательного психолога, способного к адекватной самооценке; подробнее см. в: [Ляпон 2001: 90—106; 2002: 4—16; 2005: 897—915; 2008: 137—148]. «В войнах мне мешает война, в морях — море, в священниках — Бог, в любовниках — любовь» [НЗК 2001: 181] — формула самоидентификации, в которой Цветаева отобразила свою модель поведения и стиль мышления, подчеркивая характерный для парадоксалиста метод «фронтальной семантической атаки». В самой манере ее словотворчества (включая грамматические алогизмы) обнаруживается изоморфизм с психологическим портретом, что подтверждает системность личности Цветаевой. Парадоксальная логика — константа вербального поведения Цветаевой. Признаки, выделяемые как характерные для поэтического окказионализма [Ревзина 1998: 10], оказываются у н и в е р с а л ь н ы м и ч е р т а м и и д и о н о р м ы, — индивидуальной стратегии смыслосозидания.

* Работа выполнена при поддержке гранта ведущих научных школ РФ НШ—1268.2008.6.

За текстом Цветаевой просматриваются два лика автора: 1) Цветаева — кодификатор нормы, требующий лингвистического повиновения; 2) Цветаева — экспериментатор, преодолевающий диктат языка, провокатор, ниспровергающий мертвую пропись догмы. Но, по сути, эти две установки не противоречат одна другой: окказиональное словотворчество и грамматические алогизмы дают почувствовать реальность глубинных языковых оппозиций, осознать догматы языковой нормы путем отклонения от нее. Кроме того, разрушитель стереотипов, улавливая «блуждающий» смысл, который объединяет категориально и семантически далекие языковые сущности, тренирует лингвистическую интуицию носителя языка.

Преимущество цветаевского текста для изучения парадоксальной логики — многоступенчатая рефлексия, направленная на собственную ментальную деятельность. Схему своего познавательного цикла Цветаева представляет так: «Знаете, как это бывает? Вы ставите вопрос, сгоряча, первым движением: — нет, потом — глубже: да, потом — еще глубже: нет, глубже глубокого: да... (Не четыре ступени: сорок!) И конечное: да» [НСТ 1997: 130]. Лингвистический эксперимент такого разрушителя стереотипов (как и его афористические формулы) всегда под контролем логики здравого смысла¹.

* * *

Рассмотрим конкретные примеры. В одном из писем (1936 г., к Ариадне Берг) наше внимание привлекает конструкция: «*мне безумно* <...> *хочется того китайского кольца* <...>». Привожу (в сокращении) текст письма.

«Дорогая Ариадна, у меня есть для Вас — для нас с вами — один план, не знаю — подойдет ли Вам. Дело в том, что мне безумно — как редко что хотелось на свете — хочется того китайского кольца — лягушачьего — Вашего — бессмысленно и непременно лежащего на лакированном столике <...> Я все надеялась, что О. Н., под императивом моего восторга мне его в конце концов подарит <...> у меня руки не красивые, да и кольцо не “красивое” <...> да и не для красоты рук ношу <...> но она [О. Н.] ничего не почувствовала, п. ч. она — другая, и к вещам относится не “безумно”, а трезво — итак, возвращаясь к лягушке (в деревне их зовут ЛЯГВА) <...> Если бы Вы мне каким-нибудь способом добыли то кольцо <...> я бы взамен дала Вам <...> большое, в два ряда, ожерелье <...> Вещь массивная, прохладная, старинная и — редкостной красоты <...> Вам эта вещь предначертана. Она настолько же — Ваша, Вы — как то кольцо — *моё* и я <...> *Как* выцарапать кольцо <...> Если бы Вы <...> просто бы сказали <...>, что я в то кольцо *влюбилась* <...> я бы Ваше кольцо — *никогда* бы не снимала <...> отвечайте поскорее, ибо я в страсти нетерпения <...>» [VII: 502]².

¹ Подробнее см. в монографии М. В. Ляпон «Проза М. Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора» (в печати).

² Здесь и далее при ссылке на многотомное издание сочинений М. Цветаевой 1994—1995 гг. в скобках указывается номер тома и страница.

Цветаевский алогизм (*мне хочется кольца*) стимулирует наше внимание к семантике безличной модели и заставляет еще раз задуматься над спецификой глагола *хотеться* в отличие от *хотеть*. *Хотеть* у Цветаевой — глагол, управляющий не только в грамматическом смысле. «*Хотение*» предстает как императив, главное условие человеческого бытия, акт воли и движитель жизни, а отсутствие «хотения» категорически приравнивается к *нэхоти*, отождествляется с ленью: «⟨...⟩ только желание — унижение ⟨...⟩ мне важно — сколько Вы можете напрячься. **Усилие и есть хотение**» [VII: 618]; «Я знаю как трудно — хотеть» [Там же: 607]³.

По мнению А. Вежбицкой, “неагентивные” конструкции *мне хочется* (*думается, кажется, помнится, спится, не спится, не работается* и др.), предназначенные для описания внутреннего состояния субъекта, представляют собой своего рода тест, по которому можно опознать и р а ц и о н а л ь н ы й тип языка, и, соответственно, стиль мышления самих носителей языка, а именно: неагентивную позицию человека по отношению к миру и к самому себе (склонность к фатализму, отсутствие самоконтроля, отношение к окружающему миру как к сущности непознаваемой и т. п.)⁴.

Цветаева отвечает на собственный внутренний импульс как активный аналитик, в соответствии со своим «темпераментом» мысли. Реакция типа «не знаю почему; не могу сказать почему» для нее не характерна. Наоборот, в своем письме она исчерпывающим образом объясняет причины своего желания, говорит о намерении активно действовать, чтобы получить желаемый предмет (предлагает в обмен на кольцо свое дорогое ожерелье). Анализируя причины своей «очарованности» кольцом, она находит еще один убеждающий аргумент: она влюбилась в коль-

³ В семантике *хотеть* лексикологи отмечают элемент действительности, намерения: «Специфика синонима *хотеть*, особенно по сравнению с *желать*, состоит в том, что он указывает на действительность воли субъекта. Иными словами, помимо чистого желания он предполагает еще и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации» [НОССРЯ 1997: 457]; «*Хотеться* (как и *не терпеться* и *подмывать*) является неточным конверсивом глагола *хотеть*» [Апресян 1995: 3]. Ср. также: «⟨...⟩ русское *я хочу* не полностью соответствует английскому *I want* ⟨...⟩, поскольку в русском помимо *Я хочу*, есть еще *мне хочется*, которое занимает определенную часть соответствующего семантического пространства. Тем самым *хочу* оказывается выражением действительного желания» [Падучева 1996: 13]. Эти особенности не учтены в РСС: «**Хотеться**, *хóчется; безл.; несов., кого-чего, что* (с конкр. сущ., разг.), с *неопр.* или с союзом «*чтобы*». То же, что *хотеть*. *Хотется славы. Хотется известности. Хотется спать. Хотется тишины и покоя / чтобы было тихо и спокойно* ⟨...⟩ [РСС: 312].

⁴ Согласно этой точке зрения, в безличной модели «мысль, акт веры или иное ментальное состояние или событие представлены как возникающие в наших головах спонтанно, причем мы не ощущаем себя связанными по отношению к ним какими-то обязательствами» [Вежбицкая 1996: 69—70]. Бессубъектная модель отображает мироощущение и стиль мышления тех, кто являются «не активными действующими лицами, а пассивными и более или менее бессильными, не контролирующими события экспериментерами» [Там же: 73].

цо, потому что на нем изображена лягушка, которую Цветаева отождествляет с собой («то кольцо — мое и я» [VII: 501]). Этот завершающий аргумент важен для понимания существа самоанализа. «Мне хочется» в контексте Цветаевой предстает как свернутая *рефлексема*, — символ познавательного цикла по схеме «Я — раздвоение Я — отстраненное истолкование себя — возвращение к исходному (неделимому) Я». Мы видим здесь не спонтанный набор причин, а замкнутую цепь с возвратом к субъективной детерминанте, что характерно для интроверта. Желание обладать вещью обусловлено сверхзадачей, а именно: охранить свою индивидуальность, оградить ее «от враждебных влияний окружающего» [Юнг 1997: 607]⁵.

Иными словами, субъект в данном случае не пассивен; речь идет как раз об активности, но другого рода — ментальной: субъект наблюдает себя со стороны, — находящимся в состоянии, которое как бы внушено неодолимой стихийной силой, и беспристрастно оценивает мотивы своего желания. За этой моделью просматривается «интроверт мыслительного типа» (по Юнгу)⁶, тогда как модель «я хочу» изображает бездумно желающего, не склонного к самоанализу. По сравнению с «я хочу» модель «мне хочется» более насыщена в смысловом отношении: говорящий ставит свое «я» в позицию объекта, который оценивается другим «я». Безличную модель можно толковать как специфическую языковую форму раздвоения говорящего субъекта; ср. наблюдения И. Фужерон над «капризами» местоимения *я* в русском языке [Фужерон 2007: 199, 201].

Заметим, что в цветаевском контексте безличная модель *мне хочется* (*чего*) выполняет еще функцию вежливой просьбы: Цветаева демонстрирует неявную контаминацию трех пограничных смыслов: ‘просьбы-извинения-самооправдания’. Эта модель (в отличие от *я хочу*) может быть осмыслена как этноспецифическая формула вежливой просьбы, т. е. причастна к полю «общение, этикетное поведение (*просить-брать-давать*)». Цветаева невольно затрагивает вопрос о блуждающих (сквозных) коннотациях, которые вовлекают выражение *мне хочется* в это поле. *Я хочу* свободно от авторефлексии, контроль как бы завершен (или приостановлен), речь идет о готовой установке, которая обретает категорическую форму. *Мне хочется* осложнено поиском мотивации, поэтому субъект не категоричен

⁵ Забота о целостности своего «Я» — инстинкт самосохранения творческого субъекта; на упреки критиков Цветаева отвечает так: «Мне часто говорят — еще чаще говорили, что у меня *вместо сердца — ещё раз ум*, — что отнюдь не мешало — критикам, например, *обвинять мои стихи в бессмысленности*» [VII: 319]. Этим высказыванием Цветаева подчеркивает гармоническое соединение в своем творческом методе разума и эмоции.

⁶ «Интровертное сознание видит внешние условия и, тем не менее, выбирает в качестве решающей субъективную детерминанту» [Юнг 1997: 455]. В своих воспоминаниях о матери Ариадна Эфрон подчеркивает, что Марине Цветаевой «была присуща *дво-якость* (но отнюдь не двойственность) восприятия и самовыражения», а также «взгляда на чувства же (...) взгляда до такой степени со стороны, что — как бы с иной планеты» [Эфрон 2002: 318].

(ср. *хотелось бы*). Таким образом безличная конструкция оказывается удобной для самоустранения, буквально для — «и з в и н е н и я». Интуитивный лингвист Цветаева, по существу, демонстрирует две фундаментальные аксиомы естественного языка: (1) аксиому акта номинации (любая вещь — именуемое — является объектом для множества разных словесных обозначений); (2) аксиому полисемии (любой словесный знак потенциально приложим ко множеству разных вещей — денотатов)⁷.

Как видим, выбор безличной модели не свидетельствует о том, что мышление говорящего субъекта отмечено принципиальной иррациональностью. Из контекста цветаевского письма следует, что безличный способ воспроизведения действительности — это всего лишь языковое клише, иллюзорный актант не мешает поиску реальной действенной причины происходящего. Наблюдаемый эксперимент Цветаевой — это тот случай, когда в рамках русского языкового сознания творческий субъект, используя, по словам В. В. Виноградова, «отжившую идеологию»⁸, демонстрирует скрытые смысловые (и риторические) возможности языкового клише.

Рассмотренный пример Цветаевой интересен еще в одном отношении: он демонстрирует конфликт между схемой управления и ее лексическим наполнением. Цветаева подчиняется схеме «глагол + родительный партиципный»⁹, но в позиции управляемого оказывается слово, обозначающее неделимый и несъедобный предмет. Принцип «вопреки» в данном случае Цветаева иллюстрирует неожиданным объектом, который выпадает из стереотипного ряда (*хочется чаю, молока, шоколаду и т. п.*). Это не обмолвка, а ловушка, позволяющая Цветаевой уличить стандартную грамматику в непоследовательности.

* * *

Рассмотрим пример смещения валентности глагола *зачитывать*. Одно из писем к В. Ф. Ходасевичу (1933 г.) Цветаева завершает фразой: «⟨...⟩ вот **чем она Вас зачитывала**»¹⁰. Экспериментальная форма Цветаевой ассоциируется с: (1) *зачи-*

⁷ Этот закон С. Карцевский называет «асимметричным дуализмом языкового знака» [Карцевский 1965: 87].

⁸ «Языковая техника здесь использовала как материал отжившую идеологию» [Виноградов 1986: 383].

⁹ Данная модель, согласно смысловой доминанте родительного падежа, требует, чтобы лексически обозначенный предмет выступал не в полном объеме, а лишь частично [Яacobсон 1985: 146—151]; ср.: **хочется костюма, галстука, зонтика* и т. п.

¹⁰ Привожу отрывок из этого письма: «⟨...⟩ в моей вещи о Максе Волошине, — пишет Цветаева, — я даю его рассказ о поэтессе Марии Паппер и, между прочим, о ее Вас посещении ⟨...⟩ Вы, конечно, можете мне ответить, что никакой Марии Паппер не помните, но она *наверное* у Вас была, ибо она — собирательное ⟨...⟩

«Я великого, неожиданного,
Невозможного прошу.

тывать (что) — о привычке не возвращать книги, журналы их владельцу; (2) *зачитывать до дыр* (книги, журналы); (3) *зачитывать* (что) — оглашать текст. Цветаева создает гипотетическую залоговую форму, при этом образуется новая чисто видовая пара (*зачитывать* несов. — *зачитать* сов.), которая омонимична литературной видовой паре.

В противоположность литературному аналогу, цветаевский окказионализм, опровергая аксиому грамматики, управляет вин. падежом только одушевленного существительного (*зачитывать кого*), но при этом сохраняет валентность своей залоговой пары: *зачитываться* (чем). Цветаева продуцирует оригинальную риторическую модель со значением негативного эффекта в преки ожиданиям. Эта модель является парадоксом внутри парадокса: текст, призванный зачитать слушателя (т. е. доставить удовольствие, заворочить своим совершенством¹¹), на самом деле является невнятным и вызовет у адресата скорее всего недоумение: *зачитывать (кого?! чем?)!*

Цитируя в письме Ходасевичу злополучный текст, Цветаева подтверждает, что «зачитывание (кого)» в подобных случаях чревато отрицательным результатом. Заметим, что приставка ‘за’ в ее экспериментальной глагольной форме сохраняет значение ‘избыток признака’. Указывая на антиобусловленность (отвергнутую причину), цветаевская модель сближается с дискурсивной формулой «слишком... чтобы...». Свою альтернативу грамматической аксиоме Цветаева контролирует лингвистической интуицией: подобный опыт смысловых смещений показывает, что парадокс — не бессмыслица: в отличие от абсурда, он не противоречит здравому смыслу и может продуктивно использоваться в аргументации. Писатель открывает неожиданную связь между экспериментальной (вымышленной) словоформой и такими смыслами, которые уже адаптированы языковой системой на другом — суперсинтаксическом — уровне (я имею в виду формулу «слишком... чтобы...»).

* * *

Цветаева часто разрушает целостность устойчивых дискурсивных выражений, превращая их компоненты в склоняемые словоформы. Метатекстовый словесный материал (дейктические слова, вводные клише) она «опускает» на низший уровень, приравнивая к первичному (базовому) тексту, как бы игнорируя природу денотата служебных единиц синтаксиса. Ограничусь несколькими примерами: «Дорогая Вера, если все мои письма — *между нами*, то это — *совсем между нами*» [VII: 277]; «От О〈льги〉 Н〈иколаевны〉 узнала о *наконецном* возвращении Вашего мужа» [Там же: 505]; «〈...〉 в конце концов — *очень далёком конце очень*

И одной струей желанного

Вечный мрамор орошу» (М. Паппер. — Парус. — 1911 г.)

— вот чем она Вас зачитывала» [VII: 463].

¹¹ Ср. соответствующее по смыслу толкование *зачитываться* ‘увлекшись чтением, забыть о времени’ [РСС: 494].

далеких концов — получилась бы лирическая статья» [VII: 380]; «Нельзя дать ни жизни, ни эмиграции, ни Вишнякам, ни “бриджам”, *ни всем и так дáleям*, — этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов» [Там же: 466]. Таким образом Цветаева пытается преодолеть дистанцию между языковыми знаками поллярными по своей природе, между полнозначенательными словами и словами, которые «не являются изъяснительными», по Расселу: «Когда вы хотите объяснить слово “лев”, вы можете повести вашего ребенка в зоопарк и сказать ему: “Смотри, вот лев!”. Но не существует такого зоопарка, где вы могли бы показать ему *если* или *этот* или *тем не менее*, так как эти слова *не являются изъяснительными*» [Рассел 1957: 140].

Рассматриваемый ниже случай — уникальный пример пародирования уступительной модели путем разрушения идиомы *какой-никакой*: «⟨...⟩ получила наконец (4 месяца спустя!) от Люсьена [весточку], но — если бы Вы знали *какую никакую* ⟨...⟩ по существу, все слова и вещи — чудесные: и *chère* и *ma dame* (Dame!) и *pardon* ⟨...⟩, но не дано людям осознать, что говорят! Ни чувствовать» [VII: 507].

«Какой-никакой» — синоним компромиссной оценки качества, содержания чего-н¹². В результате инверсии ее высказывание радикально преобразует смысл (*какую-никакую, но весточку* → *весточку, но какую никакую!*); идиома превращается в свободное сочетание. Соединяя относительное местоимение (*какую*) с отрицательным (*никакую*), Цветаева образует предикат, выражающий уничтожающе негативную оценку. Данный пример информативен и в другом отношении: он подтверждает склонность автора к безысключительному градуированию, в том числе — признака мнимого, иллюзорного («в высшей степени никакой»).

Виртуозная «перифраза» несет в себе положительную энергию¹³, заложенную в языковом знаке: Цветаева пародирует клише (штамп, стереотип) и тем самым укрепляет позиции в языке этой устойчивой формулы. Парадоксальное преобразование не только не разрушает оригинала, но наоборот, дает пример продуктивного семантического сдвига¹⁴ и привлекает внимание к смысловому исходу уступительной конструкции, к периферийным и каноническим формам выражения этого

¹² *какой-никакой*, неопр. местоимение («хоть какой-нибудь, пусть незначительный, не очень хороший») [ТСРЯ 2007: 317].

¹³ Об этой («загадочной») энергии говорит М. А. Кронгауз, имея в виду амбивалентность смысла, возникающую при пародировании клише: «Образ клише как носителя некоей энергии кажется весьма привлекательным и несколько загадочным. Что это за энергия? Исчезает ли она безвозвратно или все же как-то сохраняется в языковом знаке? Может быть, наиболее ярко присутствие этой энергии ощущается не в канонических случаях употребления клише, а при его разрушении» [Кронгауз 1998: 187].

¹⁴ «Речь идет о разрушении клише не в смысле его исчезновения из речи, а в смысле его искажения, или разрыва, что в действительности означает своего рода актуализацию ⟨...⟩ В этом понимании разрушение клише оказывается вполне содержательным прагматическим актом. В каждом таком акте фактически сосуществуют два языковых знака. Некое клише (естественно, вместе с полным набором семантических компонентов, включая стандартные условия употребления) присутствует имплицитно, т. е. подраз-

смысла. Парадоксальная модификация Цветаевой привлекает внимание к терминам «уступительная конструкция», «уступительное значение». Формула, которую она пародирует (развенчивает) достаточно далека от стереотипа соответствующей модели с союзом *хотя*. Выражение «какой-никакой» дает возможность ощутить свою исконную связь с диалогом (вопрос: — *Какой?* ответ: — *Никакой!*).

В структуре уступительности отражен когнитивный опыт столкновения с логической аномалией и соответствующая ответная реакция говорящего — недоумение. Недоумение (‘вопреки ожиданиям’, ‘вопреки здравому смыслу’) — это уже *рефлексема*. Для обозначения многоступенчатой оценки парадоксальной ситуации я ввожу термин *метарефлексема*. Этот термин позволяет разграничивать разные виды вторичных оценочных реакций на сложившееся положение вещей, например: (а) грубую (= непостижимую) аномалию, (б) грубую (= непростительную) аномалию, (в) естественную встречу полярных смыслов, конкурирующих сущностей и т. п. В последнем случае априорно несовместимое все же оценивается как актуально приемлемое. Своим экспериментом Цветаева стимулирует поиск языковых единиц и формул, примыкающих к полю уступительности (например, таких как: «*как это ни странно, но факт*»; «*парадоксально, но факт*»; «*смешно сказать, но...*»; «*не знаю почему..., но...*»; «*казалось бы..., но...*», «*конечно..., но...*»). Подобные формулы — это следы парадоксального режима мышления, парадоксальной логики, которую естественный язык отразил в прагматически адаптированном виде¹⁵.

Оценивая смысловой резонанс данного эксперимента Цветаевой, следует подчеркнуть, что она делится словотворческим опытом и одновременно утверждает свое личное принципиальное неприятие «уступки» (сделки). Лаконичная формула *анти-уступки* напоминает нам о том, что парадоксальная логика — доминанта не только стиля мышления Цветаевой, но и ее жизненной позиции в целом, своего рода духовный этимон личности.

* * *

Заслуживает внимания случай парадоксальной самофальсификации у И. Бродского, который извиняется за свое отсутствие на юбилее друга:

Прости, Роман, меня, мерзавца!
 Дай по лицу!
 Но *приключилось нализиться*
 вчера певцу (...)¹⁶.

умеается. Эксплицитно же присутствует его искажение: некая новая форма или же старая форма с новым содержанием» [Кронгауз 1998: 187].

¹⁵ Вполне обоснованными представляются аргументы в работе [Апресян 2006: 615—620] в пользу расширенного понимания уступительности.

¹⁶ Полный текст этой «объяснительной записки» в стихах опубликован в: [Штерн 2001: 214—215].

В свое оправдание Бродский ссылается на причины, которые логически несовместимы одна с другой: *случай* (приключение, стечение обстоятельств, когда субъект лишен возможности контролировать свои действия) — явное алиби, т. е. уважительная причина. Но «*приключилось нализаться*» (ситуация из тех, исход которых полностью под контролем субъекта) указывает на крайнюю степень непростительного безволия.

В высказывании Бродского можно было бы увидеть прежде всего самофальсификацию: «*Я виноват, но я не виноват*»; с точки зрения формальной логики, это — «иллюзивное самоубийство» [Вендлер 1985], т. е. бессмыслица. Но конструкция Бродского не уничтожает себя, а наоборот, опровергает стандартное представление о коммуникативной неудаче: он конструирует остроумное извинение, которое благодаря соседству двух бессубъектных глагольных форм становится средоточием нетривиальной информации.

Безличной моделью в условиях дискурса можно манипулировать: узаконить безнравственный поступок или, наоборот, уличить в безответственности, в беспринципности. Безличная форма *приключилось* не дает однозначной оценки случившемуся; эта оценка должна быть конкретизирована как негативная или наоборот (ср.: *угораздило*, а с другой стороны, — *повезло, удалось, посчастливилось, выпала удача* и др.). Но и эти оценивающие формы не гарантированы от последующей переоценки; это значит, что закадровый актант, скрытый в семантике безличной модели, игнорируется говорящим как мнимый, как реликтовая условность; в означаемой ситуации речь идет о субъекте, которого угораздило, которому повезло или не повезло и от которого требуют ответственности за его поступки («*Как это тебя угораздило?*»; «*Ничего себе повезло!*»; «*Хорошенькое повезло!*»; «*Повезло? — Как сказать!*» и т. п.). Таким образом, выявляется ущербность подразумеваемого (фантомного) субъекта безличной модели — его неспособность к рефлексии, метарефлексии, к самосознанию.

Далее, говоря о содержательной насыщенности рассматриваемой фразы Бродского, отметим, что в ней прочитывается изначальная относительность самой идеи вины. Обращение к адресату: «Прости, Роман, меня...» (как и выражение «*виноват*») подобно перформативу, т. е. действию, которым вина автоматически искупается. Бродский улавливает двоякость *вежливости*, показывая, что *вежливость* в конечном счете есть благоелицемерие. Высказывание Бродского легко отрывается от контекста и превращается в формулу по той причине, что оно обладает характерной для парадокса информативной самодостаточностью и по своей сути провозгласило: возбуждает множество противоречивых мотиваций (*Виноват или не виноват?*), намекает на русскую национальную идеологию, наконец, — пародирует официальную объяснительную записку.

Остроумное извинение, помимо анекдотического (комического) эффекта, несет в себе позитивный смысл: уличая истину во лжи, Бродский демонстрирует продуктивность парадоксальной мыслительной стратегии, ее направленность одновременно на лицевую и оборотную сторону сущности. Рефлексию над экспери-

ментом Бродского можно продолжить в другом направлении: поэт уличает русскую безличную модель в «беспринципности» (двуличии). В самом деле, такую модель можно использовать как стратагему, которая позволяет одну и ту же ситуацию оценивать прямо противоположным образом, т. е. в одних случаях — уклониться от ответственности, сославшись на непостижимую парализующую силу, которая превращает человека в жертву обстоятельств; в других случаях, наоборот, — осмыслить бессубъектную модель как знак, который утратил внутреннюю форму, т. е. превратился в клише, условность. Такое превращение можно подтвердить, например, таким фактом. В русском языке существует шуточная присказка «Если кажется, перекрестись!». Ее адресуют человеку, который, выражая свое мнение о чем-н., злоупотребляет безличными формами (*кажется, думается, представляется*). В этой присказке звучит ирония по поводу эфемерного актанта, подразумеваемого в безличной модели: сохраняя внешнюю словесную оболочку, такая модель фактически утратила старое содержание, и этот факт языковой эволюции осознан в шуточной форме.

Как видим, самофальсифицируемое высказывание не является материалом отрицательным: писатель дает возможность еще раз задуматься над смысловым потенциалом безличной модели, над ее способностью (или неспособностью) отразить этноспецифические черты русской ментальности. Парадоксальные формулы творческого субъекта — это не логический тупик, а иносказание, гиперболизирующее искомую сущность.

Авторские парадоксы остаются предметом метарефлексии. «Парадокс — остроумная попытка уйти от истины», — считает Г. Манн. «Парадокс — вот единственная правда», — считает Б. Шоу. Цветаева и Бродский своими экспериментами подтверждают тот и другой афоризм о парадоксальном стиле мышления. Конечно, используя грамматические алогизмы и смысловые смещения, можно остроумно продемонстрировать пластичность человеческой мысли, гибкость языка, непрерывность его семантического пространства. Но своим экспериментом писатель (сознательно или невольно) выполняет еще и другую миссию: он улавливает уязвимые участки языковой системы, ускользающие от надзора кодификатора, и — в конечном счете — позволяет осознать те еще не сформулированные (или не замеченные) русской грамматикой правила, в которых нуждается рядовой носитель языка.

М. В. Ляпон
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва
lyapon@list.ru

ЛИТЕРАТУРА

- НОССРЯ 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
- НЗК — М. Цветаева. Неизданное. Записные книжки. Т. II (1919—1939). М., 2001.
- НСТ — М. Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
- РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. IV. М., 2007.
- ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
- Апресян 2006 — *Апресян В. Ю.* Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М., 1995.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вендлер 1985 — *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Виноградов 1986 — *Виноградов В. В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М., 1986.
- Карцевский 1965 — *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Речевые клише: энергия разрыва // Лики языка. М., 1998.
- Ляпон 2001 — *Ляпон М. В.* К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 2.
- Ляпон 2002 — *Ляпон М. В.* К. Г. Юнг — М. Цветаева: воображаемый диалог // Век и вечность. М. Цветаева и поэты XX в. Череповец, 2002.
- Ляпон 2005 — *Ляпон М. В.* Парадокс в контексте личности // Язык. Личность. Текст. М., 2005.
- Ляпон 2008 — *Ляпон М. В.* Творчество как опровержение // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук. Материалы конференции. М., 2008.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Феномен Анны Вежбицкой // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Рассел 1957 — *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- Ревзина 1998 — *Ревзина О. Г.* Окациональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка М. Цветаевой. Т. II. М., 1998.
- Фужерон 2007 — *Фужерон И. И.* «Я» и его капризы // Язык как материя смысла. М., 2007.
- Цветаева 1994—1995 — *Цветаева М.* Собрание сочинений. Т. I—VII. М., 1994—1995.
- Штерн 2001 — *Штерн Л.* Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., 2001.
- Эфрон 2002 — *Эфрон А. С.* Страницы воспоминаний // М. Цветаева в воспоминаниях современников. Рождение поэта. М., 2002.
- Юнг 1997 — *Юнг К.-Г.* Психологические типы. М., 1997.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р.* К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.